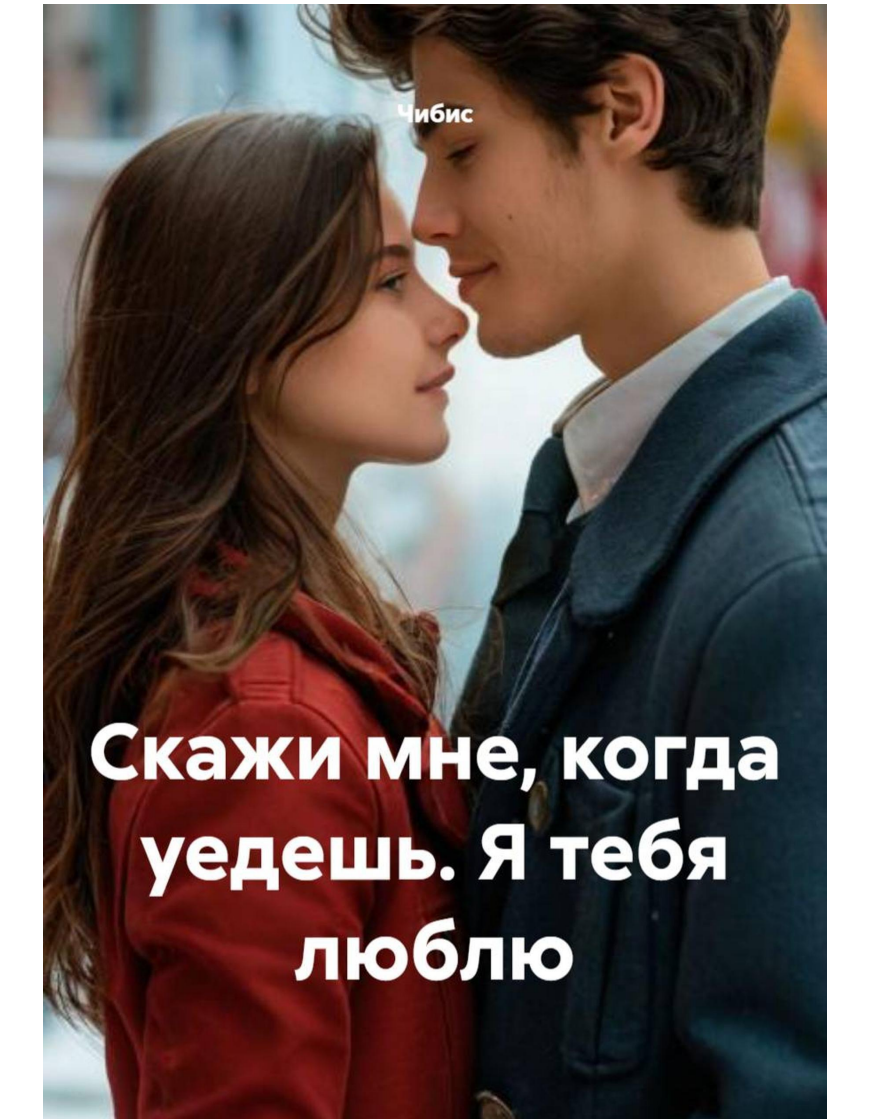

A romantic couple, a young man and woman, are shown in profile, facing each other and about to kiss. The woman has long brown hair and is wearing a red jacket. The man has dark hair and is wearing a dark blue jacket over a white shirt. The background is blurred, suggesting an outdoor setting.

Чибис

**Скажи мне, когда
уедешь. Я тебя
люблю**

Чибис Чибис

Скажи мне, когда уедешь. Я тебя люблю

<https://litres.ru/73494926>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они знали друг друга всегда. Двадцать три года, один месяц и семь дней. Ровно столько Лина считает Сашу своей опорой, своей семьёй, своей половиной — но только по ту сторону дружбы. Запретный поцелуй на выпускном — случайность, о которой они договорились забыть. И почти забыли. Но когда Саша получает грант на учёбу в Токио, тайное перестаёт быть тайной. Мечта всей его жизни находится за тысячи километров от неё.

А сердце Лины разрывается между желанием отпустить друга и страхом потерять нечто большее. У них есть семь дней до вылета. Семь дней, чтобы решить: сказать правду и разрушить всё или промолчать и потерять друг друга навсегда. Готова ли дружба длиною в жизнь превратиться в любовь длиною в прощание? Или это прощание станет началом чего-то настоящего? Теперь перед обоими стоит выбор: рискнуть всем или отпустить.

Содержание

Глава 1. Двадцать три года, один месяц и семь дней	4
Глава 2. Сто сорок семь ступеней	11
Глава 3. Амели не поможет	21
Глава 4. Дерево, которое помнит всё	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Чибис

Скажи мне, когда уедешь. Я тебя люблю

Глава 1. Двадцать три года, один месяц и семь дней

Дождь барабанил по подоконнику, рисуя мокрые дорожки на пыльном стекле. Полина сидела на подоконнике, поджав одну ногу под себя, и смотрела, как капли сталкиваются и разбегаются в разные стороны, будто люди, которые боятся близких отношений. На коленях лежал блокнот, раскрытый на чистой странице, но карандаш замер в воздухе.

– Ты опять рисуешь грустные дожди? – голос за спиной заставил её вздрогнуть.

Саша стоял в проёме балконной двери, держа в руках две кружки с парящим чаем. Его тёмные волосы были взъерошены ветром, а на старой футболке с логотипом забытой группы расплылось мокрое пятно.

– Я не рисую, я думаю, – Лина захлопнула блокнот быстрее, чем следовало. – И вообще, как ты вошёл?

– У тебя код от домофона – мой день рождения. Ты его не меняла с девятого класса. И дверь была не заперта, потому что ты всегда забываешь её закрыть, когда ждёшь вдохновение, – он поставил кружки на подоконник и плюхнулся в старое кресло, которое помнило их ещё школьниками. – Чай с мёдом и имбирём. Простуду лечить будешь потом.

– С чего ты взял, что я простужусь?

– Ты сидишь на сквозняке с мокрыми волосами после душа и рисуешь грусть. Классический сценарий.

Лина фыркнула, но кружку взяла. Пальцы коснулись горячего керамического бока, и она на мгновение прикрыла глаза – этот жест повторялся тысячи раз. Саша всегда знал, какой чай она любит, когда ей грустно и о чём она молчит.

– У тебя лицо новостное, – сказала она, не оборачиваясь. – То самое, с которым ты сообщал, что сломал ногу перед выпускным, и когда сказал, что поступаешь на бюджет. Колись.

В комнате повисла тишина. Только дождь продолжал свою монотонную мелодию, и где-то в соседней квартире плакал ребёнок.

Саша молчал так долго, что Лина обернулась. Он смотрел на неё – и взгляд был странным, каким-то новым, будто видел её впервые.

– Я уезжаю, – выдохнул он.

– В смысле? К родителям на дачу помогать картошку сажать? В мае?

– В Токио.

Лина замерла. Кружка в руке стала вдруг ледяной, хотя только что обжигала пальцы.

– На сколько? Недели на две? Конференция?

– На два года. Минимум. Помнишь, я подавал документы в магистратуру Токийского университета? Думал, шансов нет. Сегодня пришло письмо. Я прошёл. Стипендия покрывает всё, плюс стажировка в лаборатории. Если повезёт – останусь там работать.

Она слышала его голос будто сквозь вату. Где-то далеко, на фоне шума дождя и детского плача. Два года. Токио. Две-надцать тысяч километров.

– Вау, – выдавила она, чувствуя, как улыбка приклеивается к лицу картонной маской. – Саша, это же... это же круто! Ты чего молчал? Это же твоя мечта!

– Не хотел сглазить.

– Суеверный программист – нонсенс.

Она спрыгнула с подоконника, подошла и обняла его. Крепко, как обнимала всегда – по-дружески, хлопая по спине. Но внутри что-то оборвалось. То чувство, которое она так старательно душила пять лет, подняло голову и зарычало.

– Когда? – спросила она в его плечо, боясь поднять глаза.

– Через неделю. Виза, билеты, общежитие – всё уже решено.

Лина отстранилась. Посмотрела на него. На эти глаза, которые она знала лучше своих, на ямочку на подбородке, на шрам над бровью – в третьем классе он упал с велосипеда,

катая её.

Неделя.

Семь дней.

– Семь дней, – сказала она вслух, и голос предательски дрогнул.

Саша убрал прядь волос с её лица – жест, который он позволял себе только в редкие моменты откровенности.

– Лина, я...

– Нет! – перебила она, отступая на шаг. – Не надо меня жалеть. Я рада за тебя. Правда. Просто... это так внезапно.

– Для меня тоже, – он улыбнулся – той самой улыбкой, из-за которой девочки в школе писали его имя на партах. – Знаешь, что я подумал, когда открыл письмо?

– Что?

– Я подумал: «А как же Лина будет без меня? Кто будет напоминать ей, что нельзя сидеть на подоконнике с мокрыми волосами?»

Она рассмеялась – и смех вышел почти настоящим.

– Придётся завести робота-няньку. Ты же программист, напиши код.

– Напишу. Обязательно, – Саша посмотрел на часы. – Мне пора, мать ждёт. Она, кстати, в шоке. Плачет, радуется, снова плачет. Зайду вечером?

– Заходи. Я буду рисовать твой портрет для доски почёта изгнанников.

– Договорились.

Когда дверь за ним закрылась, Лина сползла по стене на пол. Дождь за окном усилился. Тот самый, грустный, про который Саша сказал, что она его рисует.

Она открыла блокнот.

На чистой странице, там, где минуту назад была пустота, возникло лицо. Одно-единственное, которое она рисовала тысячи раз. Тёмные волосы, ямочка на подбородке, глаза, которые смотрели на неё совсем не по-дружески – или ей только казалось?

Лина захлопнула блокнот.

Семь дней.

За семь дней можно успеть всё. Или не успеть ничего.

Вечером она сидела на кухне и смотрела, как мама режет овощи для салата. Размеренно, спокойно, будто мир не рушится.

– Сашка уезжает, – сказала Лина в пустоту.

Мама замерла с ножом в руке:

– Куда?

– В Японию. Учиться.

– Ох, – нож продолжил своё дело, но медленнее. – Надолго?

– На два года. Или насовсем.

– А ты?

– Что – я?

– Ты как?

Лина пожала плечами, чувствуя, как к горлу подкатывает ком.

– Я рада за него. Это же его мечта. Мы же друзья.

Мама отложила нож, вытерла руки о полотенце и села напротив.

– Дочка, я твоя мама. Мне можно не врать.

– Я не вру.

– Ты врёшь. Себе в первую очередь. Двадцать три года вы не разлей вода. И ты хочешь сказать, что ничего не чувствуешь?

– Мы друзья, – упрямо повторила Лина. – Лучшие друзья.

– Я знаю, – мама вздохнула. – Я помню, как ты плакала после выпускного. Помню, как ты сказала, что «случайно выпила лишнего». Ты вообще алкоголь не пьёшь.

– Мам, пожалуйста...

– Ладно, молчу. Но подумай: если он уедет, а ты так и не скажешь – не будешь жалеть?

Лина молчала.

Дождь за окном стих. В лужах отражались жёлтые квадраты окон. Где-то в соседнем доме горел свет в комнате Саши – двадцать три года, один месяц и семь дней она знала, где этот свет, и что он значит для неё.

Семь дней.

Она достала телефон.

Лина: Спишь?

Саша: Нет. Думаю.

Лина: О чём?

Саша: О том, как объяснить тебе, что я боюсь уезжать.

Лина: Боишься? Ты? Программист-рационал?

Саша: Я боюсь, что в Токио некому будет сидеть с тобой на подоконнике под дождём.

Лина смотрела на экран, и сердце колотилось где-то в горле.

Лина: Приедешь – посидим.

Саша: А если не приеду?

Лина: Тогда я приеду к тебе. Токио, встречай художницу с мокрыми волосами.

Саша: Договорились.

Она улыбнулась, отложила телефон и посмотрела на блокнот. Там, среди набросков городских пейзажей и случайных прохожих, был один рисунок, который она никому не показывала.

Они вдвоём на набережной. Он смотрит на неё. И смотрит так, как не смотрят на друзей.

Может, не ей одной казалось?

Лина перевела взгляд на окно, за которым горел свет в соседней комнате.

Семь дней.

Время пошло.

Глава 2. Сто сорок семь ступеней

Утро ворвалось в комнату вместе с солнечным зайчиком, который нагло прыгнул прямо на лицо. Лина зажмурилась, перевернулась на другой бок и чуть не упала с дивана, запустившись в пледе. Телефон на полу отчаянно вибрировал, исполняя заунывную мелодию, которую она поставила на будильник, чтобы гарантированно проснуться от раздражения.

– Какого... – прохрипела она, нащупывая трубку.

Экран горел сообщениями. Целая очередь уведомлений, будто её внезапно признали самой популярной девицей в городе.

Мама: Я ушла на работу. Завтрак в духовке. И не смей рисовать всю ночь!

Алиса (подруга): НИЧЕГО СЕБЕ!!! Сашка в Токио??? Ты как??? Давай встречаться срочно, всё расскажешь!!!

Саша: Доброе утро, соня. Через час буду у тебя. Не вздумай сидеть на подоконнике, там холодно. И волосы высуши.

Лина хмыкнула, отбросила телефон и уставилась в потолок. На потолке была трещина, которая тянулась от люстры к углу, напоминая карту неизведанной реки. Они с Сашей ещё детьми придумали, что по этой трещине можно доплыть до страны, где живут исполненные желания. Надо только загадать, закрыть глаза и провести пальцем по маршруту.

Она закрыла глаза и провела.

"Хочу, чтобы он остался".

Открыла.

Трещина никуда не делась. Саша уезжал через шесть дней. Желания не работали.

Ровно через час, как и обещал, Саша материализовался на пороге с пакетом свежих круассанов из их любимой пекарни на углу. Лина уже успела принять душ, высушить волосы (потому что он всё равно проверит) и даже натянуть джинсы, а не старые спортивные штаны с дыркой на колене.

– О, ты живая, – констатировал он, проходя в квартиру с видом хозяина. – А я думал, придётся выламывать дверь.

– Ключи под ковриком никто не отменял.

– Не учи отца.

Он прошёл на кухню, привычным движением поставил чайник и полез в шкафчик за чашками. Лина смотрела на его спину и думала о том, что через шесть дней этот ритуал исчезнет. Не станет человека, который знает, где у неё лежат чашки, какой чай она пьёт утром и что она терпеть не может, когда в круассанах слишком много масла.

– Чего застыла? – не оборачиваясь, спросил Саша. – Иди садись, пока горячие.

– Смотрю, как ты оккупируешь мою кухню.

– Это не оккупация, это рейд. Я проверяю, не завелись ли в твоём холодильнике новые виды плесени.

– Очень смешно.

Она села за стол, наблюдая, как он ловко раскладывает круассаны по тарелкам, наливает чай – ей с мёдом, себе без сахара. Идиллия. Маленькое семейное счастье, у которого не было названия.

– Кстати, – Саша поставил перед ней чашку. – Твоя мама звонила мне в семь утра.

– Что?! Зачем?

– Просила проследить, чтобы ты позавтракала. Сказала, что у тебя «творческий кризис и склонность к самопожертвованию через голод».

Лиана поперхнулась чаем.

– Она серьёзно?

– Она твоя мама. Она всегда серьёзна, – Саша улыбнулся, но улыбка быстро погасла. – Лиана, нам надо поговорить.

– О нет, – она отставила чашку. – Я знаю это лицо. Это лицо «нам надо серьёзно поговорить». Обычно после таких разговоров я плачу, а ты меня утешаешь.

– Ну, не всегда. Иногда ты просто злишься и уходишь.

– И это бывало.

Саша вздохнул и сел напротив. Между ними на столе дымились круассаны и остывал чай. Солнце пробивалось сквозь тюль, рисуя на скатерти золотистые квадраты.

– Я уезжаю через шесть дней, – начал он. – И я хочу, чтобы эти шесть дней были... нормальными. Понимаешь? Чтобы мы делали всё, что любим. Сходили на набережную, в кино,

в тот парк, где мы в детстве лазили по деревьям. Просто... прожили это время. Без сожалений.

– Без сожалений, – эхом повторила Лина. – То есть ты предлагаешь сделать вид, что ничего не происходит?

– Я предлагаю не портить последние дни истериками.

– Я не устраиваю истерики!

– Ты рисуешь грустные дожди, сидя на подоконнике. Это хуже истерики. Это молчаливая катастрофа.

Она хотела возразить, но слова застряли в горле. Потому что он был прав. Она действительно сидела и рисовала грусть. И делала это не впервые.

– Хорошо, – выдохнула Лина. – Шесть дней без сожалений. Что в программе?

Саша оживился, достал телефон и начал зачитывать:

– Сегодня – набережная и тот самый мост, где мы кормили уток. Помнишь, ты уронила в воду булку и чуть не свалилась сама?

– Я не чуть не свалилась, я просто поскользнулась.

– Завтра – кино. Идёт повтор старого «Аmeli», ты же хотела пересмотреть. Послезавтра – парк и наше дерево. В четверг – помощь с выставкой, ты же говорила, что тебе нужны мужские руки, чтобы вешать картины. Пятница...

– Стоп, – Лина подняла руку. – Ты расписал всё до отъезда?

– А ты думала, я просто так пришёл? Я пришёл с планом. Шесть дней, шесть событий. Идеально.

– Идеально, – она улыбнулась, но в груди заныло. Потому что идеально – это когда эти дни не кончаются. А они кончатся. Ровно через шесть дней.

Набережная встретила их ветром и криками чаек. Май в этом году выдался капризным: то солнце пекло не по-весеннему, то вдруг налетал холодный ветер с реки, заставляя прохожих кутаться в куртки.

Они шли медленно, почти касаясь плечами. Саша рассказывал про Токио – про кампус университета, про лабораторию, в которой будет работать, про то, что японцы очень странно относятся к личному пространству и никогда не опаздывают. Лина слушала вполуха, потому что считала про себя.

Сто сорок семь шагов от начала набережной до моста. Она знала это число наизусть. Потому что в семнадцать лет, после того случайного поцелуя на выпускном, она ходила здесь каждый день и считала шаги, пытаясь успокоить сердце.

– ...а ещё у них есть автоматы с едой прямо на улицах, представляешь? Можно купить горячий суп из банки, – Саша махнул рукой в сторону. – Эй, ты меня слушаешь?

– А? Да. Автоматы с супом. Класс.

– Ты считаешь.

– Что?

– Ты считаешь шаги. Ты всегда считаешь шаги, когда волнуешься. Я знаю эту твою привычку с детства.

Лина сбилась с ритма и остановилась. Они как раз дошли

до моста – старого, чугунного, с перилами, покрытыми сотнями замков, которые вешали влюблённые парочки.

– Я не волнуюсь, – соврала она.

– Врёшь.

– Не вру.

– Врёшь, – повторил Саша и вдруг взял её за руку. – Лина, посмотри на меня.

Она подняла глаза. Ветер трепал его волосы, солнце светило так, что вокруг головы возник золотистый ореол. И взгляд – тот самый, странный, новый, который она заметила ещё вчера.

– Я хочу, чтобы ты знала, – сказал он тихо. – Всё, что было между нами... все эти годы... это было важно. Ты – важно.

– Саш, ты говоришь так, будто прощаешься навсегда.

– Я и прощаюсь. На два года. Это много.

– Два года – не вечность.

– Для дружбы – нет. А для чего-то большего?

Она замерла. Сердце пропустило удар, потом ещё один, потом понеслось вскачь, как сумасшедшее.

– Что ты имеешь в виду?

Саша молчал. Смотрел на неё, на реку, снова на неё. Пальцы, сжимающие её руку, чуть дрожали.

– Замки, – вдруг сказал он. – Смотри, сколько замков. И все с именами. Глупо, да?

– Не глупо, – Лина проследила за его взглядом. – Люди хотят верить, что их любовь останется навсегда. Приковыва-

ют её к мосту, чтобы не уплыла.

– А если нечего приковывать? Если любовь есть, а замка нет?

– Тогда, наверное, она уплывёт.

Они стояли так долго. Ветер стих, чайки улетели, даже город замер, будто ждал развязки.

– Пошли дальше, – наконец сказал Саша, разжимая пальцы. – Я обещал тебе уток.

Лина кивнула, но внутри всё кричало. Потому что этот разговор – про замки, про любовь, про то, что уплывает – был самым честным за последние пять лет. И самым страшным.

Они дошли до спуска к воде. Уток почти не было – только парочка наглых голубей клевала что-то у скамейки.

– Пусто, – констатировал Саша.

– Как и моя голова после твоих загадок.

– Каких загадок?

– Про любовь и замки.

– Это была не загадка. Это был вопрос.

– И какой ответ?

Он развернулся к ней. Встал так близко, что она чувствовала запах его парфюма – свежий, с нотками цитруса, тот самый, который она обожала с шестнадцати лет.

– Я не знаю, Лина. Я не знаю ответа. И, кажется, боюсь его узнать.

– Ты боишься? Снова?

– Я не железный.

– Тогда чего ты хочешь?

Саша провёл рукой по её волосам – медленно, осторожно, будто она была хрупкой стеклянной фигуркой.

– Я хочу, чтобы, когда я уеду, ты не плакала. Чтобы ты рисовала не грустные дожди, а что-то светлое. Чтобы ты ждала меня не потому, что боишься одиночества, а потому что... потому что я того стою.

– Ты того стоишь, – выдохнула она.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю. И всё.

Он улыбнулся – той самой улыбкой, из-за которой девочки в школе сходили с ума. Потом отпустил её волосы и отступил на шаг.

– Пошли домой. Холодает.

– Пошли.

Они развернулись и пошли обратно. Сто сорок семь шагов до конца набережной. Лина считала про себя, но на сорок пятом сбилась, потому что думала о другом.

Она думала о том, что сегодня он почти признался. Почти. Но "почти" не считается. "Почти" – это как недорисованная картина, как недопетая песня, как замок, который забыли повесить на мост.

Вечером Лина сидела в своей комнате и смотрела на телефон. На экране застыло сообщение от Алисы, на которое она так и не ответила:

Алиса: Девушка, колись. Вы сегодня гуляли? Говорили?
Он признался? Или ты?

Лина нажала на вызов.

– Алло? – голос Алисы был сонным, но любопытным.

– Мы гуляли.

– И?

– Он почти сказал что-то важное. Но не сказал.

– То есть как?

– Алис, он говорит загадками. Про любовь, про замки на мосту, про то, что боится. А прямо – ничего.

– А ты?

– Что – я?

– Ты сказала?

– Я... я не могу. Вдруг я всё придумала? Вдруг ему просто страшно терять друга?

– Лина, дура ты. Он на тебя смотрит как на последнюю шоколадку в коробке. Я видела. Ещё на выпускном видела.

– На выпускном мы поцеловались. Случайно.

– Случайно? Серьёзно? Ты в это веришь?

Лина молчала.

– Ладно, – вздохнула Алиса. – Делай что хочешь. Но помни: у тебя осталось пять дней. Пять дней, чтобы решиться.

– Я знаю.

– И ещё кое-что.

– М?

– Он уезжает не просто учиться. Он уезжает строить жизнь. Если ты сейчас промолчишь, он построит её без тебя. Хочешь этого?

– Нет.

– Тогда действуй.

Лина нажала отбой и посмотрела в окно. Свет в комнате Саши горел. Тёплый, жёлтый, такой родной.

Она открыла блокнот на чистой странице и написала всего одно слово:

"Завтра".

Потом зачеркнула и исправила:

"Сегодня? Нет. Завтра. Точно завтра".

А завтра – кино. И старый фильм про Амели, которая тоже боялась признаваться в любви.

Может, кино подскажет?

Или хотя бы даст смелости.

Глава 3. Амели не поможет

Кинотеатр «Пионер» стоял в глубине старого московского двора, спрятавшись от шумных проспектов за кронами вековых лип. Здание с облупившейся лепниной и вывеской в стиле ретро выглядело так, будто застряло во времени где-то в конце восьмидесятых. Именно за это Лина его и любила. Здесь пахло историей, старым деревом и попкорном, который делали по какому-то секретному рецепту – солёным, хрустящим, невозможным.

Саша ждал у входа, прислонившись плечом к колонне. На нём была та самая серая толстовка, которую Лина когда-то стащила и носила дома, пока он не заметил пропажи. Свет уличного фонаря выхватывал из темноты его профиль, делая похожим на героя французского кино – чуть отстранённого, чуть грустного, безумно красивого.

– Опоздала на семь минут, – констатировал он, заметив её.

– Я шла пешком.

– От дома? Это сорок минут.

– Хотела подышать воздухом. Набраться парижского настроения перед фильмом.

– Москва – не Париж.

– Сегодня будет Париж. На два часа.

Она улыбнулась, и Саша улыбнулся в ответ – той самой

улыбкой, от которой у неё подкашивались колени. Он протянул руку и поправил её шарф, который съехал набок.

– Замёрзла?

– Немного.

– Пойдём внутрь, там тепло.

В фойе было малоллюдно. «Амели» шла в малом зале, и собиралась в основном публика взрослая, ностальгирующая – парочки за сорок, одинокий мужчина с блокнотом, девушка с красными очками на носу.

– Я купил билеты заранее, – Саша помахал двумя бумажными прямоугольниками. – Места в центре, как ты любишь.

– Ты помнишь, как я люблю?

– Я помню всё, Лина. Это проблема.

Она хотела спросить, что именно он называет проблемой, но в этот момент объявили начало сеанса, и поток зрителей увлёк их в тёмный коридор.

Зал оказался маленьким, уютным, с тяжёлыми бордовыми креслами, в которые хотелось провалиться с головой. Они сели рядом – локти почти касались, дыхание смешивалось в прохладном воздухе. Свет погас, и на экране замелькали первые кадры.

Лина смотрела «Амели» раз десять, не меньше. Знала наизусть каждую сцену, каждый диалог, каждую музыкальную тему. Но сегодня фильм ощущался иначе. Потому что она смотрела его рядом с Сашей, и все эти истории про любовь, про несмелые признания, про счастье, которое нужно ловить

за хвост – они били прямо в сердце.

На сцене, где Амели впервые встречает Нино в автомате с фотографиями, Лина почувствовала, как Сашина рука коснулась её ладони, лежащей на подлокотнике. Случайно? Нарочно? Она боялась пошевелиться, боялась спугнуть этот момент.

Он не убрал руку.

Она не убрала свою.

Так они и сидели – молча, глядя на экран, чувствуя тепло друг друга.

В сцене, где Амели уводит слепого старика через улицу, описывая ему всё, что происходит вокруг, Саша наклонился к её уху:

– Ты тоже так делаешь. Описываешь мир, когда рисуешь.

– Правда?

– Ты показываешь людям то, чего они не видят. Это талант.

От его дыхания по коже побежали мурашки. Лина сжала его пальцы в ответ – и почувствовала, как он замер.

– Спасибо, – прошептала она.

– За что?

– Что видишь.

Он ничего не ответил. Только повернул голову и посмотрел на неё в темноте. Свет с экрана выхватывал блики в его глазах, делая их почти прозрачными.

– Я всегда тебя видел, Лина. Всегда.

Она хотела спросить: «Как? Как ты меня видишь? Как друга? Как что-то большее?», но язык прилип к небу. Слова застряли где-то в горле, превратившись в колючий ком.

Амели на экране тем временем забирала фотоальбом Нино и прятала его у себя, чтобы он вернулся. Маленькая женская хитрость, чтобы привлечь внимание. Лина подумала: может, и ей нужна такая хитрость? Что-то, что заставит его остаться, заставит сказать?

Но она не умела хитрить. Она умела только рисовать и ждать.

После фильма они вышли в тёплый майский вечер. Город пах сиренью и бензином, где-то играла музыка, компания подростков хохотала у закрытого ларька с мороженым.

– Кофе? – предложил Саша. – Тут рядом открыли новую кофейню. Говорят, варят отличный раф.

– Раф после девяти вечера? Я потом не усну.

– А ты и не должна спать. Ты должна рисовать.

– Ты прав. Тогда пошли.

Кофейня оказалась маленькой, набитой хипстерской атрибутикой – старые пластинки на стенах, лампы Эдисона под потолком, стулья разного цвета. Они взяли по кружке и сели у окна, выходящего на тихий переулок.

– Знаешь, о чём я подумал во время фильма? – спросил Саша, размешивая сахар.

– О чём?

– О том, что Амели счастливая. Она делает других счаст-

ливыми и находит в этом смысл. А потом находит любовь. Как бонус.

– Ты считаешь, любовь – это бонус?

– Не бонус. Награда. За то, что ты хороший человек.

Лина усмехнулась:

– Тогда почему хорошие люди часто остаются одни?

– Потому что они ждут, что их найдут. Как Амели. А надо, наверное, искать самим.

– Искать?

– Признаваться. Рисковать. Делать первый шаг.

Он смотрел на неё в упор, и Лине показалось, что в его глазах плещется что-то очень важное. То, что он пытается сказать без слов.

– Саш, – выдохнула она. – Ты о чём сейчас?

– О нас.

Сердце пропустило удар. Потом ещё один. Кружка в руках дрогнула, кофе плеснулся через край.

– Что – о нас?

– Мы с тобой двадцать три года. Мы знаем друг друга лучше, чем самих себя. Я знаю, что ты боишься пауков и любишь рисовать дожди. Ты знаешь, что я не выношу ложь и пью кофе только без сахара. Мы – одно целое. И я вдруг понял, сидя в этом зале: я не хочу быть целым без тебя.

Лина перестала дышать.

– Ты... ты что говоришь?

– Я говорю, что, кажется, люблю тебя. Не как друга. Как-

то иначе. Так, что при одной мысли об отъезде у меня всё внутри обрывается.

В кофейне играла тихая музыка. За соседним столиком девушка смеялась над шуткой парня. За окном проехала машина, разбрызгивая лужи. А Лина сидела и смотрела на Сашу, и мир вокруг перестал существовать.

– Ты серьёзно? – прошептала она.

– Серьёзнее некуда. И я понимаю, что это ужасный момент. Что я уезжаю через пять дней. Что я ставлю тебя в дурацкое положение. Но молчать дольше я не могу.

– Почему? Почему именно сейчас?

– Потому что если я уеду и не скажу, я буду жалеть всю жизнь. А я не хочу жалеть. Я хочу, чтобы ты знала.

Она смотрела на него и видела, как он ждёт ответа. Как пальцы сжимают кружку до побелевших костяшек. Как взгляд мечется по её лицу, пытаясь угадать реакцию.

– Саш... – голос предательски дрогнул. – Я... я не знаю, что сказать.

– Скажи правду. Только правду.

– Правду?

– Да.

Лина глубоко вздохнула. Собрала всю смелость, какая только была в её двадцатитрёхлетнем сердце.

– Я тоже. Я тоже люблю тебя. С выпускного. С того самого поцелуя. Я пыталась забыть, пыталась сделать вид, что мы просто друзья. Но не получается. Никогда не получалось.

Саша замер. Кружка в его руках дрогнула, кофе пролился на стол, но он не заметил.

– Почему ты молчала?

– Боялась. Боялась разрушить нашу дружбу. Боялась, что ты не ответишь взаимностью. Боялась всего.

– Дурочка, – выдохнул он. – Мы оба дурачки.

– Это точно.

Он потянулся через стол и взял её руки в свои. Горячие, чуть влажные, такие родные.

– И что теперь? – спросила Лина.

– Не знаю. Я уезжаю.

– Я знаю.

– Это ничего не меняет. Я всё равно уезжаю.

– Я знаю.

– Но я хочу, чтобы ты поехала со мной.

Лина отдёрнула руки.

– Что?

– Поехали со мной. В Токио. Ты можешь рисовать где угодно. Ты талантливая, тебя везде примут. Мы снимем квартиру, будем вместе...

– Саша, ты сошёл с ума? – перебила она. – У меня выставка через месяц. У меня мама, которая одна. У меня здесь всё!

– А у меня там всё. И я не хочу выбирать между тобой и мечтой.

– Но ты выбираешь!

– Нет! Я предлагаю тебе разделить её со мной.

Они смотрели друг на друга, и между ними повисла тишина – тяжёлая, как бетонная плита.

– Я не могу, – наконец сказала Лина. – Просто не могу. Не сейчас.

– Почему?

– Потому что это нечестно. По отношению ко мне, к тебе, к тому, что между нами. Если я поеду, бросив всё, я буду зависеть от тебя. Я буду твоим придатком. А я не хочу быть придатком. Я хочу быть равной.

– Ты и будешь равной!

– Не в чужой стране без языка, без работы, без друзей. Нет, Саш. Так нельзя.

Он откинулся на спинку стула. Лицо его стало чужим – замкнутым, отстранённым.

– Значит, ты не поедешь.

– Не сейчас. Может быть, потом. Когда встану на ноги. Когда...

– Когда я вернусь? А если я не вернусь?

– Тогда... тогда мы потеряем друг друга.

Слова повисли в воздухе – тяжёлые, окончательные. Лина смотрела на него и чувствовала, как внутри всё разрывается на части. Потому что она только что призналась ему в любви. И тут же потеряла его.

– Саш...

– Нет, всё нормально, – он выдавил улыбку. – Я понимаю. Правда. Это я виноват, что ляпнул не подумав.

– Ты не ляпнул. Ты сказал правду. И я сказала правду. Мы оба сказали правду.

– И что нам с этой правдой делать?

– Не знаю. Жить, наверное.

Они долго сидели молча. Кофе остыл, музыка сменилась несколько раз, хипстеры за соседним столиком ушли, пришли новые. А они сидели и смотрели друг на друга, боясь пошевелиться, боясь разорвать эту тонкую нить, которая ещё держала их вместе.

– Проводишь меня? – наконец спросила Лина.

– Конечно.

Они вышли в ночь. Город спал, только редкие машины проезжали по пустым улицам. Шли молча, но молчание это было другим – не враждебным, а каким-то... принимающим. Будто они оба признали: да, так случилось. Да, мы любим друг друга. Да, мы расстаёмся.

У подъезда Лина остановилась.

– Спасибо за сегодня, – сказала она. – За фильм. За кофе. За признание.

– Не за что.

– Саш...

– М?

– Я правда люблю тебя. И это ничего не меняет. Но я хочу, чтобы ты знал: если бы не выставка, не мама, не всё это... я бы поехала. Честно.

– Я знаю.

Она шагнула к нему, обняла – крепко, отчаянно, вкладывая в это объятие всё, что не смогла сказать словами. Он прижал её к себе, уткнулся носом в макушку.

– Я позвоню, – прошептал он. – Буду писать каждый день. Я не исчезну.

– Обещаешь?

– Обещаю.

Она отстранилась, посмотрела в его глаза – в темноте они блестели, будто влажные.

– Иди, – сказала она. – Поздно уже.

– Иди ты. Я посмотрю, как зайдёшь.

Лина кивнула, открыла дверь подъезда и шагнула внутрь. На лестнице было темно и пахло кошками и сыростью. Она поднялась на свой этаж, вошла в квартиру, подошла к окну.

Саша стоял внизу, смотрел на её окно. Увидел силуэт, помахал рукой.

Она помахала в ответ.

Он постоял ещё минуту, потом развернулся и пошёл прочь – в свой дом, в свою жизнь, в свой Токио.

А Лина сползла по стене на пол и заплакала.

Впервые за пять лет – по-настоящему, навзрыд, не сдерживаясь. Потому что любовь случилась. Потому что она случилась именно тогда, когда должна была закончиться.

В три часа ночи телефон завибрировал.

Саша: Ты спишь?

Лина: Нет.

Саша: Я тоже.

Лина: О чём думаешь?

Саша: О том, что я самый счастливый и самый несчастный человек на земле одновременно.

Лина: Это как?

Саша: Счастливый, потому что ты меня любишь. Несчастный, потому что я тебя теряю.

Лина: Ты меня не теряешь. Я здесь. Я буду здесь всегда.

Саша: Всегда – это долго.

Лина: Я никуда не денусь.

Саша: А если я не вернусь?

Лина: Вернёшься. Я буду ждать.

Саша: Не надо ждать. Живи.

Лина: Я и буду жить. Но ждать тоже буду.

Саша: Ты невозможная.

Лина: Знаю.

Саша: Я люблю тебя.

Лина: Я знаю. И я тебя люблю.

Саша: Спокойной ночи, моя Амели.

Лина: Спокойной ночи, мой Нино.

Она отложила телефон и посмотрела в потолок. Трещина-река вела в страну исполненных желаний.

– Я загадала, – прошептала Лина. – Чтобы он вернулся. Чтобы мы были вместе. Чтобы трещина не врала.

Но трещина молчала.

Она была просто трещиной.

А за окном начинался новый день. Четвёртый из шести.

Глава 4. Дерево, которое помнит всё

Утро четвёртого дня встретило Лину головной болью и опухшими глазами. Она лежала на кровати, глядя в белый потолок, и пыталась собрать рассыпавшийся мир обратно. Вчерашний вечер казался сном – слишком ярким, слишком болезненным, слишком настоящим.

– Ты как? – в дверь просунулась мамина голова.

– Жива.

– Вижу. Плакала?

– Немного.

– Из-за Саши?

Лина промолчала. Мама вздохнула, вошла и села на край кровати.

– Рассказывай.

– Нечего рассказывать. Мы признались друг другу в любви. Он уезжает через четыре дня. Я не еду. Всё.

– Вот так просто – всё?

– А что сложного? Любовь есть. Будущего нет.

Мама погладила её по голове – так, как в детстве, когда Лина болела или получала двойку.

– Дочка, любовь просто так не заканчивается. Она либо есть, либо её нет. Если есть – будущее найдётся.

– Какое будущее? Он в Токио, я здесь. Двенадцать тысяч километров.

– Это просто расстояние. Его можно преодолеть.

– Мам, я не могу бросить выставку. Не могу бросить тебя. Не могу бросить всё и уехать в страну, где не знаю языка.

– А кто говорит – бросать? Ты можешь поехать потом. Когда всё устроишь.

– А если он не захочет ждать?

– А если захочет?

Лина села на кровати, обхватила колени руками. В окно светило солнце – наглое, жизнерадостное, абсолютно неуместное.

– Я боюсь, – призналась она. – Боюсь поверить, а потом разочароваться. Боюсь, что это просто паника перед отъездом, а не настоящие чувства. Боюсь, что он там встретит кого-то – японку с идеальными волосами и знанием всех этих их церемоний.

– Ты себя-то слышишь? – мама покачала головой. – Сашка с детства на тебя смотрит как на единственное чудо света. Думаешь, в Токио чудес не найдётся?

– Найдутся.

– Для него – нет. Потому что его чудо – ты.

Лина уткнулась лбом в колени. Хотелось плакать снова, но слёз уже не было. Выплакала всё вчера.

– Ладно, – мама встала. – Иди умойся. Сегодня у вас парк и ваше дерево, как я понимаю. Не порть ему последние дни

своим кислым лицом.

– Моё лицо не кислое.

– Кислее лимона. Давай, вперёд. Жизнь продолжается.

Парк встретил их буйством зелени и детским смехом. Май в этом году выдался щедрым на тепло, и деревья распустились все разом, будто спешили наверстать упущенное за долгую зиму.

Саша ждал на скамейке у входа. Увидев Лину, встал и улыбнулся – немного напряжённо, будто тоже не знал, как себя вести после вчерашнего.

– Привет, – сказал он.

– Привет.

Повисла неловкая пауза. Раньше у них никогда не было неловких пауз – только комфортное молчание. А теперь появилось. Потому что теперь между ними было что-то, что нельзя было просто так обойти.

– Пошли? – предложил Саша.

– Пошли.

Они двинулись по главной аллее, обходя коляски и велосипедистов. Лина рассматривала листья на деревьях – молодые, клейкие, ещё не успевшие покрыться пылью. Саша смотрел под ноги.

– Ты как? – спросил он наконец.

– Нормально. А ты?

– Тоже нормально.

– Врёшь.

– Вру, – согласился он. – Я не нормально. Я вообще не понимаю, как теперь с тобой разговаривать.

– Как обычно.

– Не получится как обычно. Потому что обычно я не знал, что ты меня любишь.

– А теперь знаешь.

– А теперь знаю. И это всё меняет.

– Меняет?

– Конечно. Раньше я мог просто обнять тебя, просто взять за руку, просто смотреть. А теперь каждое движение – как признание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.